

Для Лян Сяофэя, не знавшего о внезапном изменении в отношениях между ними, это казалось просто игрой влюбленных пар. Он с удивлением покачал головой:

— Не могу понять вас, влюбленных парочек, столько выдумок, жизнь у вас такая интересная, просто удивительно.

Услышав это, Сун Сиянь хотел сразу же сообщить Лян Сяофэю, что они расстались.

— Сяофэй, на самом деле мы... — начал он, но так и не успел закончить, как его прервал Чжэн Цзыжань.

Чжэн Цзыжань с самым серьезным видом ущипнул Сун Сияня за поясницу. Сила была несильной, не больно, но щекотно, а потом мурашки пробежали по коже. Сун Сиянь мгновенно потерял дар речи. Его уши слегка покраснели, и он не мог понять, от злости или от возбуждения. Они встречались уже два с половиной месяца, и говорить, что он все еще был невинным мальчиком, было бы неправдой. Хотя они не заходили дальше поцелуев и объятий, но реакция их тел друг на друга была очевидной.

Поэтому Сун Сиянь считал, что Чжэн Цзыжань просто бесстыдник.

— Сяофэй... — снова начал он, но опять был прерван. На этот раз Чжэн Цзыжань легонько шлепнул его по попе.

Сун Сиянь промолчал. Он больше ничего не хотел говорить.

Лян Сяофэй, наблюдая за их мелкими взаимодействиями, с отвращением покачал головой и, бормоча «цзе-цзе», пошел вперед.

Так прошло больше месяца, пока не наступил день рождения Сун Сияня и Чжэн Цзыжаня.

Чжэн Цзыжань не был зол на Сун Сияня за то, что тот предложил расстаться. Он знал, что это было из-за страха, что Сун Сиянь инстинктивно хотел избежать этого. Но через некоторое время, когда страх перед неизвестным уляжется, Чжэн Цзыжань был уверен, что Сун Сиянь пожалеет. Тогда он начнет думать, почему не был смелее? Почему сдался, даже не попробовав? Что, если бы он продолжил, результат мог бы быть другим?

Чжэн Цзыжань хорошо знал Сун Сияня, но это было лишь его предположение.

Однако на самом деле он угадал. После своего семнадцатого дня рождения Сун Сиянь пожалел.

Новый год жизни словно принес ему больше уверенности и смелости, чем раньше. Он начал сожалеть о своей прежней трусости и отступлении. Он думал, а что, если попробовать? Что, если все получится? Кроме того, Сун Сиянь поставил себя и Чжэн Цзыжаня на место тех двух парней и понял, что, учитывая их характеры, они никогда не бросили бы учебу. Даже если бы их обнаружили и все были против, результат был бы таким же, как сейчас — расставание. Так зачем же сдаваться так рано?

Он вдруг понял, что, если посмотреть на все под другим углом, все становится намного проще.

С этого момента он пожалел, но не передумал. Ведь он самодовольно объявил Чжэн Цзыжаню о расставании, и его слова прозвучали так громко, что даже эхо было слышно. Теперь, если он скажет, что передумал, Чжэн Цзыжань может действительно ударить его.

Мысли о примирении мучили Сун Сияня полмесяца, но он так и не нашел в себе смелости высказать их. Однако многие вещи изменились по сравнению с тем временем. Например, утром по дороге в школу, когда Чжэн Цзыжань случайно касался его руки, он оставлял руку на месте, ожидая, когда Чжэн Цзыжань снова коснется его. Или в столовой, когда он садился рядом с Чжэн Цзыжанем, их руки иногда соприкасались, когда они брали еду.

Он думал, что это не так заметно, но Чжэн Цзыжань видел все четко. Он знал, что Сун Сиянь уже начал колебаться. Между ними сейчас был нужен момент, чтобы все обсудить и предотвратить подобные проблемы в будущем. Решив это, Чжэн Цзыжань начал искать возможность поговорить с Сун Сиянем.

На вечернем занятии Чжэн Цзыжань наблюдал за Сун Сиянем. Он держал ручку, кончик которой находился в миллиметре от листа с заданиями, и так просидел весь урок, так и не начав писать.

Наконец, он заметил, как Сун Сиянь, сидящий перед ним, потер живот и оторвал длинный кусок туалетной бумаги. Видимо, он собирался в туалет.

Сун Сиянь сунул бумагу в карман и встал, направляясь к туалету. В тот момент, когда он встал, он не заметил, как сзади протянулась маленькая черная рука и, аккуратно, когда он сделал шаг вперед, вытащила туалетную бумагу из его кармана.

Вечернее занятие еще не закончилось, ученики были в классе, и в туалете никого не было. Вокруг царил тишина, идеальная для уединения. Сун Сиянь одиноко сидел в кабинке, и вскоре ему стало легко и приятно, так приятно, что он чуть не запел, чтобы развлечь себя.

Но как только он начал напевать, снаружи раздались шаги, кто-то вошел. Сун Сиянь быстро сжал горло, подавив желание петь.

Он терпел, но скоро понял, что что-то не так. Почему не слышно, как открывается дверь кабинки, и нет звука воды? Что этот человек делает в туалете? Смотрится в зеркало?

Только он подумал об этом, как заметил, что шаги приближаются, и человек остановился прямо за его кабинкой. Через щель под дверью он мог видеть тень того человека.

Черт! Это что, псих? Что он хочет? Щель под дверью довольно большая!

Сун Сиянь наблюдал за движением тени, одновременно протягивая руку к карману, чтобы достать туалетную бумагу, вытереться и выйти, чтобы нанести психу удар. Но как только он протянул руку, еще не дотронувшись до кармана, он услышал знакомый голос:

— Закончил? Давай поговорим.

— ...Чжэн Цзыжань, ты псих! — Сун Сиянь вздрогнул от его внезапного вопроса, и остатки вдохновения, которые могли бы идеально завершить процесс, испарились. — О чем с тобой говорить?

— В таком возрасте о чем еще говорить? — спокойно и нагло сказал Чжэн Цзыжань, присев снаружи кабинки. — Давай лучше будем встречаться.

— Ты... что говоришь... — Сун Сиянь немного заикался от волнения. — Это... Чжэн Цзыжань сам заговорил о примирении? Ему не нужно было самому унижаться и просить? Какой же он заботливый, этот человек, которого он любит?

Сун Сиянь прочистил горло, собираясь немного подержать паузу, а затем согласиться, но, открыв рот, он не смог легко произнести это «да». В этот момент, когда он уже убедил себя быть смелым, внезапно снова возникли тревога и страх перед будущим.

— Как ты думаешь, мы сможем быть вместе? Я не говорю о сейчас, я говорю о будущем, — сказал Сун Сиянь. — Не случится ли так, что мы столкнемся с тем же самым? Будут указывать на нас пальцем, считать нас изгоями.

— Судя по текущей ситуации, возможно. Но не исключено, что через несколько лет ситуация изменится, — честно ответил Чжэн Цзыжань.

— Ты не боишься? Если это действительно произойдет, не захочешь ли ты расстаться со мной? — спросил Сун Сиянь. — Казалось, с того момента, как я заговорил о расставании и упомянул тех двух парней, ты был совершенно другим. В то время как я боялся, ты не проявлял ни капли страха.

— Мы двое вместе, какое отношение имеют чужие мысли и взгляды к нам? Мы никому не причиняем вреда, никому не мешаем, просто хотим прожить вместе всю жизнь. Ты думаешь, это неправильно? — так сказал Чжэн Цзыжань.

Слова «вся жизнь» слегка ударили по сердцу Сун Сияня, и его сердцебиение ускорилось. Однако, как говорил четвертый дядя, правда в том, что так думают лишь немногие, даже очень немногие. Вспомнив о дяде и его семье, Сун Сиянь снова почувствовал головную боль.

— А как насчет старших? Они точно тоже не согласятся. В тот день я видел, что дядя и другие были против этого.

— Что касается родителей, возможно, они не примут это в ближайшее время. Но когда мы станем достаточно сильными, сможем жить самостоятельно, что им останется делать? Их ожидание — это наше здоровье и счастье. Когда мы сможем обеспечить себе такую жизнь, они, вероятно, поймут нас.

Вся эта суэта, не ведущая к разрыву, — не что иное, как демонстрация любви.

Это утверждение будет справедливо и для той части, где им будет двадцать девять лет, запомните, мои хорошие.

<http://bllate.org/book/16804/1545443>